

Вся правда о лесных братьях

Елена КУЗНЕЦОВА

Завтра телеканал «Россия» покажет документальный фильм «Лесные братья. Литовский раскол», который по праву можно назвать уникальным. Его автор Лилия Вьюгина впервые на телеэкране затронула исторически спорную тему литовского сопротивления в послевоенные годы — историю «лесных братьев». Фильм основан на подлинных документах — автору удалось поработать с рассекреченными архивами, использовать редкие кадры хроники. О том, как создавалась эта картина, и о судьбе документального кино вообще мы беседовали с Лилией ВЬЮГИНОЙ накануне премьеры.

— Лилия, сейчас пошла своеобразная мода на документальные телесюжеты, и занимаются этим люди без специальной подготовки. Вы же отличаетесь от коллег тем, что имеете специальное образование — закончили ВГИК. Вы так рано захотели снимать кино?

— Когда я закончила школу, я приехала в Москву. До этого жила в Вильнюсе, но, наверное, никогда не считала Литву своей родиной в полной мере, потому что все наши детские игры во дворе заканчивались ссорами и восклицаниями типа «Уходи из нашего двора, ты — русская». Но я покинула город вовсе не из-за этого, просто мне захотелось поступить во ВГИК на режиссуру документального кино. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что семнадцатилетняя девочка из Вильнюса без волосатой лапы, родителей-режиссеров не имеет шансов. Но поскольку школу я закончила с золотой медалью и багаж знаний все же был, я могла реально поступить на экономический факультет, где нужны были математика, география... Сейчас это продюсерский факультет.

— И что, сразу поступили?

— Да нет, на второй год. Не удивлю, если скажу, что так просто, с улицы, туда не поступишь. Помню, как преподаватель МФТИ на экзамене спросил: а зачем вы поступаете во ВГИК? Я ответила: потому что хочу здесь учиться. На что он парировал: а я хочу быть турецким пашой!

— Неужели в семнадцать лет вы горели документальным кино? Обычно в этом возрасте девочки хотят быть актрисами, на худой конец режиссерами...

— Я хотела хоть одним бочком прислониться к большому документальному кино. До этого я просмотрела все фильмы документалиста Вячеслава Виноградова и настолько была им вдохновлена, что решила свою судьбу так.

— Это было двадцать лет назад. Как вы считаете, что за эти годы произошло с документальным кино — развитие, регресс?

— Смотри что считать документальным кино, ведь многие журналистские расследования сейчас тоже делаются в этом жанре. Но одно дело — телевизионная передача, где делаются закадровые синхроны, другое дело — документальное кино, построенное по драматургическим принципам — с использованием образительных метафор, с закольцованным построением — вступление, главная часть, катарсис, заключение. Но главное различие в образительных средствах, то есть если в телефильмах мы показываем то, о чем говорим, то в документальном кино важно еще использовать дополнительные решения, которые дают толчок к восприятию. А еще мне кажется, что документальное кино — это то, что нужно смотреть в кинотеатрах. Но что говорить об этом, когда хорошее художественное кино не смотрят.

— То есть, если жанр журналистского расследования процветает, то документальное кино переживает кризис?

— О журналистских расследованиях так, наверное, нельзя сказать. К сожалению, сейчас любое телерасследование вызывает вопрос — кто заказал, особенно по части новейшей истории.

— Ваш фильм «Лесные братья» — это документальное кино?

— Наверное, это все-таки телевизионный документальный фильм. Хотя и не передача, потому что мы попытались сделать фильм максимально по принципам документального кино.

— Как у вас появилась идея снять фильм о литовском сопротивлении? Сыграли роль детство и юность, проведенные в Литве?

— Да, наверное. Меня еще в детстве бабушка пугала лесными братьями. В 60-х — начале 70-х была еще жива память о них, и все их боялись. Да и сейчас многие, кто столкнулся с этим когда-то, вспоминают эти страшлики. И было чего бояться. Ведь это была и психологическая война — лесные братья нападали на гарнизоны, истребляли женщин и детей в то время как их мужья уходили на задания. От них ведь нельзя было скрыться, а сами они были неуловимы — выходили на поверхность только ночью, у них даже пароль был такой «Наше солнце — луна». Прятались они в бункерах, которые в отличие

В июле 1953 года на один из подмосковных аэродромов приземлился военный самолет из Вильнюса. По трапу в сопровождении охранников спустился человек в наручниках. Прямо на летном поле человека посадили в машину. Куда его везли, он не знал. Как не знал и того, что доставлен в Москву по личному распоряжению всемогущего Лаврентия Берии. Но вот что было странно — с человеком в наручниках обращались не как с заключенным. Человека звали Йонас Жямайтис. Он был генералом подпольной армии и неофициальным президентом Литвы.

Так начинается фильм «Лесные братья» режиссера-документалиста Лилии Вьюгиной, известной зрителям по работам в циклах «Тайны века» и «Документальный детектив»

от обычных землянок были вырыты на 3–4 метра под землей и тщательно замаскированы — сверху елочки, и даже поисковые собаки не могли найти их убежища.

— Но все-таки был какой-то момент, когда вы взялись за камеру, поехали в Литву...

— Да, толчок был, когда я узнала, что последним человеком, с которым встречался Берия на своем посту, был главный лесной брат. То есть 25 июня он встретился с Йонасом Жямайтисом, а 26 июня Берия арестовали. На мой взгляд, это самый эксклюзивный момент нашего фильма — их встреча — генерала без армии, уже арестованного и высшего лица государства, лишённого уже власти, но не знающего об этом. Только по ряду косвенных доказательств можно предположить, о чем они говорили.

— Вы предложили версию происшедшего?

Лесные братья были практически неуловимы — они жили в глубоких землянках, а на поверхности появлялись только ночью

— Да. Дело в том, что после смерти Сталина Берия стал подгрывать все под себя и заменять его людей на своих. Во главе компартии Литвы стоял Антанас Снечкус. Так вот Берия решил сыграть красиво — убить Снечкуса, а на его место посадить главного врага Советской Литвы — генерала подпольной армии Жямайтиса. При этом Литва должна была у него стать плацдармом для проведения новой линии — он хотел объявить там свободу слова, свободу религии и частную собственность на землю, то есть делать то, что потом худо-бедно делалось в ГДР.

— Историки разделяют такое предположение?

— Да, литовские историки эту версию как раз подтверждают. Есть разные тому доказательства, к примеру, выступление Снечкуса на июльском пленуме 53-го года, когда он обвинил Берия в попытке переворота в Литве и установления буржуазного строя.

— Вам оказывали содействие российские и литовские службы?

— Я обратилась в ЦОС ФСБ, и мне любезно ответили, что в их архиве никаких данных по Жямайтису и литовскому сопротивлению нет, и посоветовали обратиться к литовской стороне. А поскольку литовская сторона рассекретила все архивы бывшего КГБ Литвы, то

они мне в свою очередь выдали все, что у них было, и помогая мне, даже задерживались после работы.

— Может быть, потому, что советская сторона в этой истории выглядит менее привлекательно?

— Я бы так не сказала. Банально, но в войне нет героев. То, что творили энкаведэшники сопоставимо с тем, что творили литовцы, только за спиной НКВД стояла огромная машина Советского Союза, а за литовцами — ничего, поэтому их злобу и агрессивность в какой-то степени можно понять. С другой стороны, Литва сама себя приперла своей политикой к стенке. Они не хотели воевать ни за фашистов, ни за коммунистов. И приход Красной армии на свою территорию многие искренне приветствовали, но когда Советский Союз начал проводить чистки и депортации, это дико озлобило литовцев — от этого пострадал каждый десятый литовец.

— Вам удалось пообщаться с потомками лесных братьев?

— Вообще сначала литовцы отнеслись очень настороженно — они подумали, что я приехала делать пропагандистское кино. Но когда мне удалось убедить их, используя остатки своего литовского языка, в том, что это не так, они пошли на контакт и оказались очень милыми

людьми. Я общалась и с самими лесными братьями. Например, мне удалось пообщаться с главной связной Жямайтиса — она тогда знала все пароли, явки, клички — в 20 лет ее посадили, и год она просидела в одиночке — многие крепкие мужчины ломаются, — но не сдала ничего. Ей перебили позвоночник в четырех местах, и сейчас она похожа на крючочек. Я думала, сейчас вот разговору ее, она будет говорить — «вот Советы такие-сякие», но эта женщина заняла очень мудрую позицию, и разговорить ее в интервью мне не удалось — это не она плакала, а я — после разговора с ней.

— Ощущение такое, что ваши симпатии все-таки на стороне литовцев?

— Это как маятник. В начале фильма я на них нападаю, а потом людей становится жалко — ведь речь идет не только о событиях, но и о судьбах. С другой стороны, читая их устав, начинаешь смотреть на них иначе. К примеру, была такая норма. «В случае, если жители отказываются выполнить требования борца-партизана за свободу, последний может применить насилие, а в особых случаях и оружие, не отвечая за последствия его применения» или «Приказать всем колонистам покинуть Литву, а неподчинившихся уничтожить». Колонистам — это русским, но в этом

документе еще мягко сказано — в других это «русские собаки». Так что все неоднозначно.

— Вы делали реконструкции событий в своем фильме?

— Реконструкции — это самое примитивное, что можно сделать. У меня был очень богатый материал — и довоенная хроника Литвы, и литовский учебный фильм для служебного пользования КГБ. К тому же у меня есть съемки всех мест действия в наше время — мне очень нравится такой прием — там и землянки лесных братьев, которые литовцы сейчас восстанавливают...

— Они гордятся этими страницами своей истории?

— Да, для литовцев это национальные герои. Там очень романтично, трепетное отношение к ним. Но действительно, не уважать сложно. У меня снимался лесной брат — все лицо в шрамах, отсидел 25 лет, еще и шутит. Многим из них повезло, что в 1948 году у нас была отменена смертная казнь. До этого сразу расстреливали. Во внутренней тюрьме КГБ, которая в Литве сохранилась в первоначальном виде, все как раньше от расстрельной камеры до кровоподтеков, чьих-то очков, следов пуль. Там же пыточная с холодной водой по колено, наблюдательный пост.

В Литве эти места превратили в мемориал.

— Как вам удалось проникать в такие места?

— Официально пускали по письму от канала, но прежде всего было их горячее желание содействовать. Мне находили такие редкие фотографии, которые меня даже просили потом вырезать из фильма — на них так же, как немцы, фотографировались с повешенными и убитыми, энкаведэшники для отчетности снимались с уничтоженными лесными братьями. От меня ждали объективности.

— Удалось остаться объективной?

— Думаю, да. У меня в фильме даже литовцы спорят друг с другом — кто-то наезжает на лесных братьев, а кто-то их идеализирует. Раскол в отношении к ним был и раньше, а сейчас еще больше.

— Документальное кино — жанр не для всех, а те фильмы, что заставляют думать и анализировать, тем более. Вы не обращаете на это внимания?

— Это действительно так, и тут ничего не поделаешь. Все просто — чтобы читали, смотрели, слушали, должно быть интересно. Есть законы драматургии. И мы тоже для того, чтобы заинтересовать зрителя, интригуем, используем детективные приемы. Иначе и быть не может — внимание зрителя надо уважать.